

К ВОПРОСУ ОБ ИЗГОЯХ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Статья посвящена одному из спорных вопросов истории Киевской Руси: определению социального статуса изгоев, относимых исследователями к разряду зависимого населения. На основе широкого круга источников автор предлагает свое собственное решение проблемы.

Изгой в отечественной исторической науке не получили однозначного толкования. Мнения о них весьма разнообразны. Большинство трактовок сути этого явления опирается на то или иное осмысление слова «изгой». Считается, что в его основе лежит глагол «гоить», означающий «жить». Отсюда делается вывод: «изгой» буквально – «изжитый», т. е. «выбитый из привычной жизни», «лишенный прежнего состояния» человек [1, с. 269]. Что именно это означает – «выбитый из привычной жизни» – все понимают по-разному. Советские историки в большинстве своем находили в изгоях еще одно проявление феодальных отношений. Б.Д. Греков различал два вида изгоев – городских и сельских, чье положение в обществе, как он думал, было разным [2, с. 248]. «Городской» изгой, по его мнению, считался полноправным членом общества, наряду с дружинником и купцом (только почему же он изгой, непонятно). Правда, полноправие такого изгоя, согласно Грекову, могло быть условным, подобно праву закупа жаловаться на своего господина [2, с. 250]. Сельские изгой представлялись ему в массе своей вольноотпущенниками, прикрепленными к земле и хозяину [2, с. 253]. Не соглашаясь с Б.Д. Грековым по сути вопроса, И.Я. Фроянов так же считает возможным говорить о двух видах изгоев, но делит он их иначе – на свободных и зависимых [1, с. 279]. Первые, по его представлению, «гуляли на свободе и были людьми без определенных занятий», напоминая люмпен-пролетариев классической древности [1, с. 278]. Вторых Фроянов отождествляет с либертинами средневековой Европы. Признавая, что вольноотпущенники могли составлять значительную часть среди них, первое место он все же отдает людям, выпавшим из рода-общины. При этом он признает спекулятивный характер своего вывода [1,

с. 275, 276, 277]. Никакими источниками он не подкреплен и держится исключительно на абстракции и логике.

Думаю, не так уж трудно заметить, что в основе наиболее ответственных заключений об изгоях лежат умозрительные конструкции, которые имеют ценность только в породившей их теоретической и методологической системе, а без нее теряют какой-либо смысл. Выделяя «городских» и «сельских» или «свободных» и «зависимых» изгоев, исследователи рисуют яркие образы тех и других, не замечая, что в результате создают то, чего в источниках нет и в помине: массовые социальные группы, различающиеся между собой. Отличия эти столь глубоки, что невольно возникает вопрос: как же могли называть одним словом столь разнородные группы населения? Одни из них – полноправные члены общества, за убийство которых закон требовал такой же штраф, как за русина, гридина, купчину и прочих свободных и полноправных членов городского общества. Другие – бедолаги, прикрепленные к земле и хозяину, которых продают или передают вместе с селами, подобно челяди и скотине. Какая разница, что это – осколок «давно разбитого родового строя» или «жизнеспособный социальный феномен, вскормленный современностью», если между изгоем и другим изгоем все равно целая пропасть. Греков, пытаясь навести мосток между этими двумя противоположными видами (чувствовал, видимо, уязвимость предложенного им деления изгоев), обмолвился: «это равноправие [горожан и городских изгоев]... относительно» [2, с. 250], но мосток оказался слишком узким и хлипким, и его никто не заметил. Проблемы он не решил и не мог решить. Не понимая источник, исследователи прибегали к лукавому приему

отвлечения (абстрагирования) от данных, содержащихся там, прекрасно сознавая ущербность своих выводов с научной точки зрения. «Открытия», сделанные без опоры на факты, в нашем случае на исторические факты, мало чего стоят.

Сведения об изгоях многих ставили в тупик. В самом деле: в одном источнике говорится, что за убийство изгоя дают 40 гривен, ничем не выделяя его из массы свободного населения, в другом – изгоев передают церкви вместе с селами, подобно смердам или челяди. Почему же нельзя делить изгоев на разряды? Да потому, что источники не знают такого деления. Те виды изгоев, которые известны источникам, носят совсем иной характер. Препятствием, которое мешало разрешить данное противоречие без привлечения «логических абстракций» и всякого рода допущений, на мой взгляд, является мысль, согласно которой изгойство – явление массовое. Выражения типа «главная масса изгоев» (Б.Д. Греков) или «контингент изгоев... был значителен» (И.Я. Фроянов) предполагают именно такой подход. Он-то и заводит историков в тупик.

В действительности изгойство не массовый феномен, а сугубо **личный**. Изгой не составляли крупной социальной общности, а представляли собой отдельные личности (независимо от общественного слоя), оказавшиеся вне своего круга. Составитель Устава Всеволода о церковных судах, перечисляя виды изгойства, называет сначала три, а потом прибавляет четвертый, словно вспоминая их. Первое изгойство, согласно Уставу, «*поповъ сынъ грамоты не умееть*», второе – «*холопъ из холопства выкупитя*», третье – «*купец одолжаетъ*» [3, с. 487]. Четвертое оказывается настолько неожиданным, что исследователи отказываются верить в его вероятность: «*а се четвертое изгоиство и себе приложимъ: аще князь осиротеетъ*» [3, с. 487]. Б.Д. Греков по этому поводу заметил: «Это не столько «лирическое», сколько ироническое восклицание... нельзя принимать всерьез, так как едва ли осиротевший князь мог попасть в число богадельных... людей» [2, с. 251]. Как будто перед нами не устав, а политический памфлет или анекдот. Мне кажется,

столь разные категории людей сводит в одну когорту именно случайный, личный и единичный характер изгойства. Трудно себе представить толпы разорившихся купцов и неграмотных поповичей, гуляющих по городам и весям и ничем не занимающихся. Совсем невозможно разглядеть среди этой воображаемой толпы осиротевших князей, даже в качестве отдельных экземпляров, не то что целым отрядом, идущим вслед обнищавшим купцам и поповичам. В этой связи удивляет, почему принято думать, что холопов-вольнотпущенников было великое множество. Настолько много, что по воле исследователей они заселяли целые села, вместе с которыми и продавались. Замечу одну любопытную деталь. Многие представляют изгоя, вышедшего из холопского статуса, находящимся под покровительством бывшего хозяина. И.Я. Фроянов, например, пишет: «...Древнерусский изгой, являясь выкупившимся на волю холопом... оставался под властью и защитой своего патрона» [1, с. 274]. Получается, изгой-вольнотпущенники заселяют села своего же бывшего владельца. Спрашивается, неужели можно всерьез думать, что рабовладельцы в массе своей были филантропами и отпускали на волю рабов целыми партиями? Особенно если учесть, какое большое место Русская Правда уделяет проблеме бегства рабов. Было бы вершиной абсурда, если бы рабовладельцы на Руси, с одной стороны, заботились о сохранности своего говорящего имущества, с другой – в массовом порядке отпускали его на волю, наделяя чертами человеческой личности и переводя в разряд крепостных. Для чего? Непонятно. Думаю, в действительности отпуск рабов на волю не носил массовый характер. Вольнотпущенников, по всей видимости, было так же мало, как и безграмотных поповичей или разорившихся купцов. Может быть, не так уж и мало, но, во всяком случае, не толпы, которыми заселялись села их бывших владельцев. К тому же вряд ли они собирались вместе, как люмпены классической древности. Следовательно, Устав Всеволода говорит об изгоях исключительно как об отдельных, или, как выражается Фроянов, «эпизодических», фигурах. Нет

оснований думать, что существовало какое-то еще изгойство, представлявшее собой крупный социальный слой.

Русская Правда упоминает изгоя в первой статье, где говорится о мести и штрафах за убийство свободного человека: «*Убьеть муж(ь) мужа, то мьститъ брату брата, или сынови отца ... аще не будетъ кто мьстя, то 40 гривен за голову; аще будетъ русин, либо гридин, либо купчина, либо ябетник, либо мечник, аще изъгой будетъ, либо словенин, то 40 гривен положити за нь*». Под изгоем в данном случае нужно понимать кого-либо из перечисленных представителей свободного населения, оказавшегося в положении «вне своего круга». Русская Правда как бы оговаривает: если кто-то из свободных окажется в положении изгоя, штраф за его убийство не должен измениться. Вероятно, имеется в виду разорившийся купчина – один из трех видов изгоев, отмеченных в Уставе Всеволода о церковных судах. Возможно, что в подобном состоянии мог оказаться и гридин. Что касается ябетника и мечника – изгойство в этой среде было бы возможным, только если бы эти должности носили наследственный характер, как, скажем, было с княжеским титулом. Но таких данных нет.

В Уставе князя Ярослава о мостах говорится о двух видах изгоев, находящихся под рукой новгородского владыки: «*А владыце сквозе городнаа ворота съ изгойи и съ другыми изгойи до Острои городне*» [3, с. 507]. Кого именно имеет в виду Устав, неясно. Тем более непонятно, чем отличаются

первые изгойи от вторых. Можно предположить, что и здесь, как и в Уставе Всеволода, имеются в виду безграмотный попов сын, выкупившийся холоп и задолжавший купец, находившиеся под покровительством церкви.

В Уставной грамоте Ростислава застаем изгоев в двух селах – Дросенском и Ясенском, – переданных князем вновь образованной Смоленской епископии. Это совсем не значит, что они были сплошь заселены изгоями и составляли здесь основную рабочую силу. Вместе с Ясенским князь отдал еще и бортника. Означает ли это, что здесь был только один бортник, а в Дросенском его не было совсем? Думаю, нет. То же самое можно сказать и относительно изгоев – число их могло быть невелико. Наиболее вероятно, что это были бывшие холопы или челядь, однако не исключены и другие представители изгойского «племени». Не суть важно. Большинство населения и здесь, как и в других известных древнерусских селах, скорее всего, состояло из челяди или смердов. Только князь по какой-то причине не передал их епископии, и поэтому они в грамоте не упомянуты.

Таким образом, изгоев нельзя рассматривать как отдельный социальный слой, занятый в производстве полностью или в какой-то своей части. Изгойство – это не слой населения, занимающий определенное место в социально-экономической системе, а воплощение процесса выпадения отдельных личностей из своего социального окружения, происшедшего время от времени.

Список использованной литературы:

1. Фроянов И.Я. Киевская Русь. Главные черты социально-экономического строя. СПб, 1999.
2. Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 1953.
3. ПСРЛ (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов). М., 2000. Т. 3.